

МАСОНСКИЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА.
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

MASONIC CODE IN THE WORKS OF VLADIMIR NABOKOV
(ON THE EXAMPLE OF *INVITATION TO A BEHEADING*)

NADZIEJA KORTUS

ABSTRACT. This article is an attempt to interpret a work by Vladimir Nabokov, *Invitation to a Beheading*, with the most important determinants of Masonic culture. There are few studies that discuss this outstanding prose writer in terms of freemasonry and the author of this article discusses this issue with particular attention to the symbolism of the Masonic initiation ritual.

Nadzieja Kortus, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań — Polska,
nadia.kortus@gmail.com

Творчество Владимира Набокова вырастает из традиции Серебряного века, насквозь пропитанного эзотерической символикой, в том числе также масонской¹. Несмотря на тот факт, что сам Набоков отрекся от всяких идеологических корней, стремясь создать миф о собственной уникальности, — как писателя, так и человека, — масонская тема в его прозе сильно выделяется². Совмещая в одну точку многочисленные эзотерические символы, мотивы, мифы, архетипы, Набоков заодно переосмыслил их значение и подчинял главной идейной основе своего творчества — потусторонности³.

¹ Н. А с а д о в а, Л. М а ц и х, *Масоны и литература Серебряного века*; радиопередача в эфире „Эхо Москвы”, [в:] электронный ресурс: <http://www.echo.msk.ru/programs/brothers/678604-echo/> (19.02.2015). По мнению Л. Мацих,

масонские мотивы в литературе [...] до 17-го года, до великого перелома — они очень четко проявляются. [...] Целое созвездие великих имен было тогда, и масонство очень их увлекало как духовная практика, как моральная дисциплина [...]. Вот все эти великие творцы — удивительно, как они все жили в одно время — вот, они все вдохновлялись масонской идеологией, символикой, ритуалами, ну, а кто мог постичь, то и масонской философией.

² Ж. Х е т е н и, „Идеальная нагота”. Мотивы масонской инициации в рассказе Вл. Набокова „Посещение музея”, *„Studia Slavica Hungaricae”* 2003, nr 48 / 1–3, с. 105–121. Исследовательница подчеркивает, что масонские мотивы играют в целом творчестве писателя существенную роль.

³ См.: В. А л е к с а н д р о в, *Набоков и потусторонность*, Санкт-Петербург 1999.

Возникновение в произведениях Набокова масонской темы обусловлено некими биографическими факторами. Отец Набокова-писателя, Владимир Дмитриевич Набоков (погибший во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова⁴), вместе со своим братом Константином, были высокопоставленными братьями масонской ложи⁵. В 1918–1919 годах в Париже работало созданное российскими масонами „Русское политическое совещание“, представителем которого являлся, между прочим, отец писателя⁶. Масонскими были также все основные органы эмигрантской печати: „Последние новости“ в Париже редактировал М.Л. Гольдштейн, „Возрождение“ — П.Б. Струве, а „Руль“ в Берлине возглавлял Владимир Набоков-отец⁷. После его смерти в 1922 году Набокова-писателя сразу же поддержали „братья“ по могучей масонской ложе — отцовские соратники: бывшие кадеты, эсеры, среди которых находился также новый редактор газеты „Руль“ — Иосиф Владимирович Гессен. Друзья отца, близкие к Милюкову и семье Слонимов (будущей жены писателя, Веры), сделали творческий дебют Набокова, молодого поэта и прозаика, весьма заметным. Не без значения остается также тот факт, что Константин Набоков (дядя писателя), Иван Петрункевич и Федор Родичев включены в список людей, принявших участие в революционном заговоре против русской монархии⁸. В результате этих происшествий молодой писатель вынужден покинуть родину и, потеряв отца, обращаться за помощью к его соратникам — масонам.

В контексте темы нашего исследования важным кажется признание, сделанное Ниной Берберовой в книге *Люди и ложи. Русские масоны XX столетия*:

⁴ Масон, министр иностранных дел. См.: О.А. П л а т о н о в, *Масонское правительство России*, [в:] его же, *История русского народа в XX веке*, [в:] электронный ресурс: http://wordweb.ru/ist_rus_xx/07_01.htm (19.02.2015).

⁵ О.А. П л а т о н о в, *Криминальная история масонства 1731–2004*, [в:] электронный ресурс: http://fak-off.narod.ru/books/krim_ist_mass.pdf (19.02.2015).

⁶ О.А. П л а т о н о в, *Разрушение Русского государства*, [в:] его же, *История русского народа в XX веке*, [в:] электронный ресурс: http://wordweb.ru/ist_rus_xx/index.htm (19.02.2015). Платонов утверждает, что решения, принятые этой организацией, обозначили курс на разрушение Русской монархии и ликвидацию ее традиционных институтов.

⁷ О.А. П л а т о н о в, *Криминальная история масонства...*, указ. соч.

⁸ По утверждениям Платонова и Румянцева, Вл. Набоков-писатель, по всей вероятности, знал о революционном заговоре против царской семьи. См.: О.А. П л а т о н о в, *Разрушение Русского государства*, [в:] его же, *История русского народа...*, указ. соч.; В.Б. Р у м я н ц е в, *Кто делал революции 1917 года*, [в:] электронный ресурс: http://hrono.ru/biograf/bio_r/rev1917.php (19.02.2015).

Я далека от намерения сравнивать собственное детство с детством Набокова, который, через своего отца, знал тех, кто так или иначе имел касательство к Государственной Думе или кадетской партии. М.М. Винавер и И.В. Гессен звали его Володей, и он буквально вырос на коленях у Родичева и Петрункевича⁹.

Среди упомянутых Берберовой фамилий следует особо выделить две последние. Фигура Ивана Ильича Петрункевича, „вольного каменщика“, председателя совета масонского „Союза освобождения“ и многолетнего друга отца Набокова, отражена в имени одного из героев повести *Приглашение на казнь*, палача м-сье Пьера (Петра Петровича)¹⁰. Фамилия следующего друга семьи Набоковых, Федора Измайловича Родичева, закодирована в характеристике трех персонажей произведения: адвоката Романа, директора тюрьмы Родрига и тюремщика Родиона. Героев сложно отличить друг от друга, поскольку они часто почти незаметно меняются местами и постами (например, в камеру заходят Родриг и Роман, по ходу действия Родриг заменяется Родионом, выходят из камеры Родион, Роман и Цинциннат, а возвращаются в первоначальном составе: Родриг, Роман и Цинциннат)¹¹. Будучи адвокатом, Родичев считался одним из лучших российских думских ораторов, а за темпераментные выступления был прозван „первым тенором“ кадетской партии¹². Удивительное сходство можно заметить между Родичевым и пародийной характеристикой трех героев-двойников: Роман является адвокатом (причем судьба Цинцинната вообще его не волнует), директор тюрьмы, Родриг — замечательным, комическим оратором, а тюремщик Родион — превосходным „баритонным басом“, исполняющим арию хором.

Неожиданная смерть Набокова-отца, не имевшего непосредственного отношения к заговору, становится, вместе с темой потусторонности, *idée fixe* творчества писателя. Так, три основных лейтмотива, на которых основано метапоэтическое творчество Набокова, вырастают

⁹ Н. Б е р б е р о в а, *Люди и логи. Русские масоны XX столетия*, [в:] электронный ресурс: http://rus-sky.com/history/library/berberova.htm#_Точ60582298 (19.02.2015).

¹⁰ Иван Ильич Петрункевич (1844–1928) — левый кадет, масон, председатель совета масонского „Союза освобождения“, один из руководителей московской группы „Союза освобождения“. См.: О.А. П л а т о н о в, *Криминальная история масонства...*, указ. соч.

¹¹ В.В. Н а б о к о в, *Приглашение на казнь*, Санкт-Петербург 2010, с. 35–41. Все цитаты из произведения *Приглашение на казнь* будут приводиться по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹² Федор Измайлович Родичев (1854–1933) — юрист, член ЦК партии кадетов и Госдумы (всех созывов), министр Временного правительства по делам Финляндии и член Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства, масон. См.: О.А. П л а т о н о в, *История русского народа...*, указ. соч.

из фактов его биографии. Это, во-первых, триадическая модель заговор — суд — казнь, имеющая свою идеологическую основу в заговоре против царской семьи, к которому юный поэт-прозаик никак не прикасался, и в заговоре против „вольного каменщика“ Миллокова, вместо которого был убит его отец. Следовательно, возникают два остальных лейтмотива: тема теней-двойников, а также потусторонности и ведущего к ней инициационного пути, как индивидуального убежища от разоблаченного мнимого, пошлого мира.

В романе *Приглашение на казнь* все три темы непосредственно связаны с образом главного героя, Цинцинната Ц. — жертвы заговора ложных спасителей¹³. Причем масонские идеалы реализуются здесь в искаженно пародийном порядке и служат, прежде всего, выражению негативного отношения Набокова к масонству. Следуя мнению Анны Худзиньской-Паркосадзе, мы полагаем, что идеологическая конструкция романа *Приглашение на казнь* основывается на противопоставлении внутренней духовной инициации Цинцинната внешнему масонскому ритуалу и масонским законам по принципу: отделение *внешнего зрелища от внутреннего настоящего переживания*¹⁴. Поскольку многие масонские символы и мотивы, выступающие в *Приглашении на казнь*, были уже отмечены литературоведами¹⁵, мы сосредоточимся на главных принципах масонского обряда посвящения, на которых основана мотивная структура романа.

Один из главных масонских идеалов — „прозрачность“ человеческой природы для духовного света¹⁶, приобретает двойной смысл.

¹³ На мотив спасения ложными каменщиками, работающими киркой, обращает внимание Ольга Скопечная. Исследовательница замечает, что сцена подкупа и мотив ложных спасителей демонстрирует внутренний плен Цинцинната — плен его сознания. Тюремщики — это порождение его ограниченной „смертной мысли“, и их губительная связь-заговор вырастает из земной логики героя. См.: О. С к о п е ч н а я, *Масонская тема в русской прозе Набокова: о переосмыслении писателем бродячих сюжетов массового сознания*, „Etudes Slaves Paris“ 2000, nr LXXII / 3-4, с. 391-392.

¹⁴ А. Х у д з и н ь с к а - П а р к о с а д з е, „Одиночество избранных“. Попытка освещения проблемы на материале романа Владимира Набокова „Приглашение на казнь“. Текст используется на правах рукописи при согласии автора статьи. Ученая обращает внимание на тот значительный факт, что масонская обрядность противопоставляется Набиковым истинной, внутренней инициации, легшей в основу масонства в древности.

¹⁵ См. там же; О. С к о п е ч н а я, указ. соч.; Ж. Х е т е н и, „Идеальная нагота“..., указ. соч.; ее же, *Лед, Лета, лужа: „мост через реку“*. *Масонский и дантовский код в романе Вл. Набокова „Защита Лужина“*, „Sub Rosa“: In honorem Lenae Szilárd, Budapest 2005, с. 286-298.

¹⁶ Эта задача масонского ученика формируется следующим образом: „[...] преимущественно очищение своей психической личности, чтобы она стала проницаемой для света Духа (открытие в себе духовного Света)“. См.: Д. С т р а н д е н,

С одной стороны, „прозрачность“ присущая настоящему духовному облику Цинцинната, а с другой — она подвергается Набоковым переосмыслению, поскольку Цинциннат обвиняется в „непрозрачности“. В характеристике главного героя эта масонская идея противопоставляется естественному внутреннему переживанию посвященного: Цинциннат по своей истинной природе остается „прозрачным“ в высшем смысле (т. е. он пропускает сквозь свое существо духовный свет) и поэтому для окружающего мнимого мира ложных призраков-горожан — он „непрозрачен“ (т. е. его мысли и поведение непредсказуемы).

В облике главного героя реализуется также каббалистическая легенда о первом человеке, Адаме Кадмоне, который может вернуться в царство Света путем инициации, т. е. приобретения тайного знания¹⁷. Во время масонского ритуала, опирающегося на три учения: герметизм, алхимию и Ветхий Завет (также каббалу), посвящаемый исполнял роль мастера Гирама, избранника, которому по легенде знания передал сам Адам Кадмон и который с тех пор хранил память о красотах Эдема¹⁸. Цинциннат оказывается брошенным в этот непонятный мир, в хаос, который он в финале покидает, возвращаясь туда, откуда пришел, т. е. к „существам, подобным ему“. Картина Эдема возникает в набоковском тексте в воспоминаниях Цинцинната в виде Тамариных Садов, носящих признак нездешности. Герой тоскует по ним, мечтая вернуться „туда“ — в идеальное, райское пространство¹⁹.

По легенде, убийство Гирама было совершено неверными рабочими из-за того, что искусный строитель не пожелал открыть им сокровенного „слова“ — пароля мастеров²⁰. Данный мотив также выступает в пародийном и прямом порядке. Первый из них реализуется во время приговора, когда Цинциннату шепотом сообщают, что ему „наденут красный цилиндр“ — выработанная законом, подставная фраза“. С другой стороны, его внутренний двойник, истинный Цинциннат²¹ ищет слов для самовыражения и только наконец перечеркнутое слово

Герметизм. Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян), Санкт-Петербург 1914, [в:] электронный ресурс: <http://psylib.ukrweb.net/books/stran01/txt02.htm> (19.02.2015).

¹⁷ См.: Ж. Х е т е н и, *Лед, Лета, лужа...*, указ. соч., с. 288–289. Исследовательница ссылается на эту же легенду, анализируя фигуру Лужина.

¹⁸ См.: О. С к о н е ч н а я, указ. соч., с. 392.

¹⁹ Творческим отражением Адама Кадмона, предоставляющего Цинциннату „высшее знание“, можно считать самого автора романа (между тем как Цинциннат отождествляется с мастером Гирамом).

²⁰ О. С к о н е ч н а я, указ. соч., с. 392.

²¹ „Призрак, сопровождающий каждого из нас — и тебя, и меня, и вот его, — делающий то, чего в данное мгновение хотелось бы сделать, а нельзя“ [ПНК, с. 20].

„смерть” оказывается „паролем” в потусторонность, уверяя Цинцинната в том, что все уже сказано и бояться нечего.

В контексте инициации главного героя стоит учесть и тот факт, что уже с самого начала романа он является мастером (работает в мастерской игрушек). Предыдущая стадия посвящения в масоны, подмастерье, заключающаяся в выработке умений отделять свое астральное тело от физического²², Цинциннатом завершена, о чем свидетельствуют многие его астральные путешествия. Одним из них предстоит прогулка по ночному городу, которая кончается внезапным возвращением в камеру заключения [ПНК, с. 14–16]. Иным примером погружения Цинцинната в астральное пространство может послужить сцена, в которой он совершает „преступное свое упражнение”, т. е. раздевается, снимая не только одежду, но и части своего физического тела [ПНК, с. 29–30].

Интересно, что в целом романе определение „мастер” относится лишь к двум персонажам: работающему мастером Цинциннату и м-сье Пьеру²³. На их антономическую реляцию указывают хотя бы инициалы имен: Ц(инциннат) – П(ьер), которые представляют собой взаимное обратное зеркальное отражение. Симптоматично также и то, что буква „П” напоминает вход в масонский храм: две колонны, символизирующие Бояза и Яхима, соединенные перекрытием. Согласно зеркальному принципу в имени главного героя Цинцинната Ц, в трехкратном повторении буквы „ц” закодирована идея обратного толкования масонской темы. Более того, героям по тридцать лет и оба они потеряли отцов (масоны же считали себя „детьми вдовы”), с той разницей, что Цинциннат, по словам матери, является таким же „преступником”, как и его отец²⁴. Круг ассоциаций закрывает условие, разрешающее стать масоном лишь человеку свободному, который пользуется хорошей репутацией. Таким образом, настоящий духовный мастер, Цинциннат, приобретает своего темного двойника в пародийном образе масонского мастера – м-сье Пьера.

Основная структурная единица классической масонской ложи состоит из руководящего ложей Старшего Мастера, определяемого также как Мастер Света, и трех надзирателей: Оратора, Секретаря и Хранителя Храма. Ложа является местом, в котором все они встречаются и работают, она отделяет их от внешнего шума и ежедневных забот.

²² А. Х у д з и н ь с к а - П а р к о с а д з е, указ. соч.

²³ Характеристика м-сье Пьера как масонского мастера см.: там же.

²⁴ На таинственность личности отца Цинцинната обратил внимание Виктор Ерофеев. См.: В. Е р о ф е е в, *В поисках потерянного рая (Русский метароман В. Набокова)*, [в]: его же, *В лабиринте проклятых вопросов*, Москва 1990, [в]: электронный ресурс: <http://aptechka.agava.ru/statyi/knigi/vlpv/vlpv6a.html> (19.02.2015).

Одна из обязанностей ложи заключается в подготовке адепта к инициации, причем ответственность за будущего ученика несет Старший Мастер²⁵. В романе местом обитания главного героя и работы его надзирателей является крепостная бышня, построенная на громадной скале, вдали от города. Роль Старшего Мастера играет палач м-сье Пьер, которому подчиняются остальные герои: директор Родриг — в роли Оратора, адвокат Роман — Секретаря и тюремщик Родион — Хранителя Храма. Пародийный облик м-сье Пьера как масонского мастера дополняет его явно высокий статус по отношению к помощникам, а также его лживая светлая внешность, противопоставленная настоящему светлому облику Цинцинната. Палач относится к Цинциннату как к ребенку и подчеркивает лежащую на нем ответственность за успешную подготовку своего „воспитанника“ к казни [ПНК, с. 177]. Кроме того, в причудливых стараниях м-сье Пьера подружиться с приговоренным осмеян масонский идеал братства („Добиться такой дружбы, — вот в чем заключалась первая моя задача, и, по-видимому, я разрешил ее успешно“ [ПНК, с. 158], „[...] как драгоценна для успеха общего дела атмосфера теплой товарищеской близости“ [ПНК, с. 168])²⁶.

Во время первого этапа масонского обряда посвящения будущий адепт, сопровождаемый двумя братьями-помощниками, находится в Зале потерянных шагов, где, стоя у входа в ложу, просит принять его в масоны, после чего один из братьев трижды стучится в дверь. Стоит заметить, что масонская просьба принять в ученики реализуется в повести в обратном порядке, поскольку Цинцинната поместили в башню против его воли. В самом же начале героя ведут по лестнице, и его ощущения соответствуют изначальным переживаниям кандидата в масонство:

Был спокоен: однако его поддерживали во время путешествия по длинным коридорам, ибо он неверно ставил ноги вроде ребенка, только что научившегося ступать, или точно куда проваливался [...]. Тюремщик Родион долго отпирал дверь камеры, — не тот ключ, — всегдашняя возня. Дверь наконец уступила [ПНК, с. 7].

Важной частью масонского ритуала является пребывание адепта в Кабинете размышлений, где он оказывается перед лицом величайшей тайны — смерти. Там посвящаемый не только умирает для прошлого, но и делает первый шаг к новой жизни, получая очищение. Оставшись в Камере наедине, адепт получает возможность сосредоточиться на глубоком потаенном смысле находящихся в ней предметов.

²⁵ T. C e g i e l s k i, *Czcigodny Mistrz Światła i Oficerowie Loży*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, Muzeum Narodowe w Warszawie, Warszawa 2014, с. 27.

²⁶ См.: А. Худзиньска-Паркосадзе, указ. соч.

Единственной мебелью в Кабинете являются стул и стол, на котором стоят баночки с серой и солью (алхимические ингредиенты, используемые во время Великого Делания), песочные часы (напоминающие о вечной преемственности жизни, но также об истекающем времени), череп (символ смерти и бренности всего сущего) и петух (как вестник возрождения). В Цинциннатовой камере, кроме стула и стола, также находятся вышеупомянутые предметы, однако их символическое значение закодировано в несколько ином контексте. Так, сера и соль (означающие также мужское и женское начало) отражены в желтых стенах и в лунном свете, заглядывающем в окно камеры; череп заменен пауком (также символизирующим неминуемую смерть²⁷), а песочные часы — звуком часов, бьющих где-то в коридоре. Отсутствие эквивалента символа петуха сочетается с искусственным солнцем, светящим в момент казни, а также эпизодом, имеющим место перед казнью (Цинциннат удивлен, что за ним пришли в середине дня, ведь „так был уверен, что непременно на рассвете“ его поведут на эшафот [ПНК, с. 202]). Этот авторский намек очередной раз указывает на обратный смысл масонской символики: по Набокову, никакой истинной иллюминации и возрождения в масонском обряде не существует.

Для более глубокого осознания собственного жизненного пути посвящаемому предлагалось написать в Камере свое Философское завещание, которое должно быть зачитано в момент заседания ложи. На его основе проходило голосование за принятием аспиранта в ученики. Отвечая письменно на вопросы об отношении к законам морали и долга, к ближним, к человечеству и к самому себе, кандидат окончательно завершал прежнюю жизнь и готовился к Пути посвящения. В момент написания Философского завещания будущий ученик должен также понимать, что вступление в орден происходит через символическую смерть и возрождение к новой, более разумной жизни²⁸.

Цинциннат, подобно масонскому кандидату, постепенно осознает неизбежность смерти и реальность своего истинного бессмертного „я“. Он также понимает, что зря искал убежища и спасения в пределах „тутошной жизни“ [ПНК, с. 200] и наконец отвечает на три главных вопроса, т. е. насчет себя самого герой пишет: „**мне необходима** хотя бы теоретическая возможность иметь читателя [...]. Вот это нужно было высказать“ [выделения наши — Н. К., ПНК, с. 189]. Относительно других людей и мира Цинциннат пишет:

²⁷ См. там же. Символ паука в контексте масонской деятельности можно также понимать как плетение паутины интриг, вышивание узоров заговора. См.: О. С к о н е ч н а я, указ. соч., с. 386.

²⁸ T. S e g i e l s k i, *Inicjacja do loży. Izba Rozmyślań*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, указ. соч., с. 36.

Небольшой труд... запись проверенных мыслей... Кто-нибудь когда-нибудь прочтет и станет весь как первое утро в незнакомой стране. То есть я хочу сказать, что **я бы его заставил** вдруг залиться слезами счастья, растаяли бы глаза, — и, когда он пройдет через это, **мир будет чище**, омыт, освежен [выделения наши — Н. К., ПНК, с. 48].

Пытаясь выразить в словах свое жизненное кредо, герой жаждет при этом преодолеть страх перед смертью. Его единственное предсмертное желание — дописать свой труд — в конце приводит к иллюминации, т. е. перечеркивая слово „смерть“, герой осознает, что на самом деле все уже сказано, смерть не существует и бояться нечего. Завершением процесса перерождения души Цинцинната можно считать символическую сцену с ночной бабочкой — вестником бессмертия из потустороннего мира²⁹.

Стоит также обратить внимание на графическое оформление Камеры размышлений. На стенах помещения расписаны масонские правила, а над столом, за которым трудится аспирант, начертана алхимическая формула V.I.T.R.I.O.L., обозначающая „Отправься *внутрь Земли*, очищением откроешь потаенный камень“. Ключевое алхимическое понятие — Великое Делание — адаптированное масонством, в узком смысле, означает получение философского камня, но в более широком — это окончательный результат духовной перемены адепта, т. е. достижение им нравственного и физического совершенства и, тем самым, возвышение его истинной, духовной природы до понимания смысла бытия и слияния с духовным миром. Причем этот последний этап алхимического Делания носит название *рубедо* (красный) и по принципу ассоциации связан с пробуждением на рассвете.

В романе *Приглашение на казнь* список масонских правил спародирован в образе висящего на стене пергамента с восемью правилами для заключенных [ПНК, с. 45–46], а таинственная алхимическая мысль закодирована в отрывках надписей, оставленных предыдущими узниками [ПНК, с. 22]. Алхимический этап *рубедо*, т. е. момент возрождения Цинцинната, когда он получает Философский камень, предвещает символическая фраза в самом начале романа: „вам наденут красный цилиндр“ [ПНК, с. 18]. Здесь стоит заметить, что завершительный камень в масонской идее строения нового мира носит название „шапочного камня“. В то время, как масонский обряд посвящения теряет свое сокровенное значение, внутренняя инициация главного героя обретает чер-

²⁹ См.: А. Х у д з и н ь с к а - П а р к о с а д з е, указ. соч. По словам исследовательницы, этот эпизод можно прочесть как иллюминацию Цинцинната (*illuminatio*), благодаря которой он понял, что его душа бессмертна, а появление бабочки предсказывает его спасение. См. также: L. E n g e l k i n g, *Chwył metafizyczny. Vladimir Nabokov — estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości*, Łódź 2011, с. 195–196.

ты настоящей духовной перемены, так как герой начинает ощущать символическое зарождение огня внутри его самого [ПНК, с. 48–49].

После написания Философского завещания аспирант готовится к дальнейшей части инициации: он оголяет левую ступню (символ уважения), правую грудь (искренности и открытости) и правую ногу (смирения), после чего разутый, с завязанными глазами и веревкой на шее, должен довериться своему проводнику и пройти четыре испытания. Их целью является полное внутренне освобождение кандидата от всего светского и профанного³⁰. Со дня своего заключения, Цинциннат ходит по камере полураздетый: в черном халате, черной ермолке и черных туфлях. Символической повязкой на глазах можно считать неизвестную дату смерти, а также пространство, в котором заключен Цинциннат — башня построена в виде лабиринта, в котором герой неоднократно теряется. Веревку в виде тени на шее Цинцинната замечает однажды м-сье Пьер [ПНК, с. 104]. В начале романа герой освобождается от лживого мира, т. е. раздевается вплоть до погружения в астральное пространство:

Он встал, снял халат, ермолку, туфли. Снял полотняные штаны и рубашку. Снял, как парик, голову, снял ключицы, как ремни, снял грудную клетку, как кольчугу. Снял бедра, снял ноги, снял и бросил руки, как рукавицы, в угол. То, что оставалось от него, постепенно рассеялось, едва окрасив воздух. Цинциннат сперва просто наслаждался прохладой; затем, окунувшись совсем в свою тайную среду, он в ней вольно и весело... [ПНК, с. 29].

Перед ритуальной смертью кандидат в ученики проходит четыре иерархических испытания, так называемые „путешествия“. Первое из них, согласно надписи V.I.T.R.I.O.L., связано с материальным аспектом бытия и ведет его вглубь земли. Воздух — связан с интеллектом и философией. Вода, символизирующая душу и религию, очищает аспиранта, подготавливая его к последнему испытанию, во время которого огонь должен символически испепелить плоть, освобождая кандидата от ограничений материального мира³¹. На инициационном пути Цинцинната этап земли реализуется в эпизоде рытья туннеля, когда путем подземного перехода герой надеется на освобождение. Кроме того, здесь следует обратить внимание на инструмент, которым пользуется м-сье Пьер, т. е. кирку, один из основных масонских символов:

Обыкновенной ли киркой или каким-нибудь чудаковатым орудием [...], но кто-то как-то — это было ясно — пробивал себе ход [ПНК, с. 133].

³⁰ T. S e g i e l s k i, *Inicjacja do loży: „ani nagi, ani ubrany“*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, указ. соч., с. 37–38.

³¹ Там же, с. 38–39.

Второе испытание, связанное с символом ветра, Цинциннат проходит во время своего астрального путешествия, когда „ветерок делал все, чтобы освежить беглецу голую шею” [ПНК, с. 15].

Следующему испытанию, сопровождаемому мотивом воды и луны, посвящен целый пятый раздел романа. В его кульминационном моменте Цинциннат принимает ванну, после чего ему становится „хорошо” и „чисто” [ПНК, с. 61]. Последний этап реализуется в момент смерти Цинцинната, когда он окончательно освобождается от каких-либо ограничений театрального мира. Именно огонь внутри него свидетельствует о завершении им последнего этапа инициации. Этому испытанию предшествует признание героя:

Я не простой... я тот, который жив среди вас... Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, — не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, — но главное: дар сочетать все это в одной точке... Нет, тайна еще не раскрыта, — даже это — только огниво, — и я не заикнулся еще о зарождении огня, о нем самом. Моя жизнь [ПНК, с. 48–49].

Стоит заметить, что все испытания, за исключением последнего, носят трагикомический характер. Надежда на спасение кончается разочарованием, когда оказывается, что туннель копали палач и директор тюрьмы ради жестокой шутки. Астральное путешествие Цинцинната образует безвыходный круговорот. Этап воды также связан с отчаянием и страхом. Только последнее испытание, активизирующее высвобождающую роль огня, выступает в прямом смысле, как настоящее завершение инициации: „все в этом городе на самом деле было всегда совершенно мертво и ужасно по сравнению с тайной жизнью Цинцинната и его преступным пламенем” [ПНК, с. 70].

Во время последнего этапа масонского ритуала посвящаемый, обращаясь к Мастеру, просит дать ему свет, ибо он слеп (вспомним, что глаза адепта закрыты повязкой). Мастер, прежде чем одарить его светом, объясняет новичку некоторые каноны масонского ремесла, а затем приглашает принести присягу на „кубке возлияний”. Сладкое и горькое питье, чередующееся в чаше, символизирует жизнь — сладкую в начале и горькую в конце. Затем аспирант проходит семь ступеней, преклоняет перед алтарем правое обнаженное колено и приносит присягу, отвечая трижды „да” на три вопроса Мастера. После символической смерти адепта, когда „братья” поднимают мечи и направляют их острия ему в грудь, с глаз кандидата снимается повязка. Его принятие в ученики завершается символическим пиром — так называемой „агапой”³².

³² Там же, с. 39–40.

В романе *Приглашение на казнь* все эти масонские символы указаны в обратном смысле. Просьба „Света!“ заменяется восклицанием Цинцинната „Потушите!“ (после чего „совершилось полное слияние темноты и тишины. Вот тогда [...] только тогда Цинциннат ясно оценил свое положение“ [ПНК, с. 16–17]). Масонский „кубок возлияний“ реализуется в гротескном крике м-сье Пьера „чаша долготерпения выпита!“ [ПНК, с. 204], а также в эпизоде, происходящем во время пира, когда после слова „Горько!“ палач помазывает сначала темя приговоренного, потом также и свое красным вином. Перед самой казнью, вместо масонской присяги, выраженной трижды словом „да“, Цинциннат трижды отталкивает помощь м-сье Пьера, отвечая „сам“, после чего проходит двадцать шагов к эшафоту, исполняющему функцию масонского алтаря. Агапа представлена в романе в образе пира, обильного явлениями и предметами, имеющими непосредственное отношение к масонской символике („зал, гудевший многочисленным собранием“ [ПНК, с. 176], пол в „черно-белые плиты“ [176], „дамы отсутствовали“ [177], „хрустальная вазочка с белой розой, отличительно от других украшавшей его прибор“ [178]). Кроме того, м-сье Пьер, как масонский Мастер, объясняет Цинциннату-ученику значение всех этих символов: „Стоя с Цинциннатом в стороне, м-сье Пьер указывал своему воспитаннику эти явления“ [ПНК, с. 177]. Стоит обратить внимание и на тот факт, что сам пир в романе происходит перед казнью, в то время как у масонов агапа совершается после инициации. Обратный порядок ритуала указывает на то, что иллюминация Цинцинната выходит за рамки масонского ритуала и — в отличие от него — ведет к настоящему просвещению.

В итоге нашего анализа стоит заметить, что личное отношение к масонской теме, т. е. явное противопоставление духовной инициации главного героя повести *Приглашение на казнь* масонскому обряду посвящения, имеет непосредственный источник в жизненном опыте Набокова. Однако в художественном плане масонская тема служит писателю основой для сознательного и постоянного выстраивания своего собственного инициационного пути.

Библиография

- А л е к с а н д р о в В., *Набоков и потусторонность*, Санкт-Петербург 1999.
- А с а д о в а Н., М а ц и х Л., *Масоны и литература Серебряного века*; радиопередача в эфире „Эхо Москвы“, [в:] электронный ресурс: <http://www.echo.msk.ru/programs/brothers/678604-echo/> (19.02.2015).
- Б е р б е р о в а Н., *Люди и ложи. Русские масоны XX столетия*, [в:] электронный ресурс: http://rus-sky.com/history/library/berberova.htm#_Точ60582298 (19.02.2015).

- Е р о ф е е в В., *В поисках потерянного рая (Русский метароман В. Набокова)*, [в:] его же, *В лабиринте проклятых вопросов*, Москва 1990, [в:] электронный ресурс: <http://aptechka.agava.ru/statyi/knigi/vlprv/vlprv6a.html> (19.02.2015).
- Н а б о к о в В.В., *Приглашение на казнь*, „Азбука-классика”, Санкт-Петербург 2010.
- П л а т о н о в О.А., *Криминальная история масонства 1731–2004*, [в:] электронный ресурс: http://fak-off.narod.ru/books/krim_ist_mass.pdf (19.02.2015).
- П л а т о н о в О.А., *Масонское правительство России*, [в:] его же, *История русского народа в XX веке*, [в:] электронный ресурс: http://wordweb.ru/ist_rus_xx/07_01.htm (19.02.2015).
- П л а т о н о в О.А., *Разрушение Русского государства*, [в:] его же, *История русского народа в XX веке*, [в:] электронный ресурс: http://wordweb.ru/ist_rus_xx/index.htm (19.02.2015).
- Р у м я н ц е в В.Б., *Кто делал революции 1917 года*, [в:] электронный ресурс: http://hrono.ru/biograf/bio_r/rev1917.php (19.02.2015).
- С к о н е ч н а я О., *Масонская тема в русской прозе Набокова: о переосмыслении писателем бродячих сюжетов массового сознания*, „Etudes Slaves Paris” 2000, nr LXXII/3–4, с. 383–394.
- С т р а н д е н Д., *Герметизм. Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян)*, Санкт-Петербург 1914, [в:] электронный ресурс: <http://psylib.ukrweb.net/books/stran01/txt02.htm> (19.02.2015).
- Х е т е н и Ж., „Идеальная нагота” Мотивы масонской инициации в рассказе Вл. Набокова „Посещение музея”, „Studia Slavica Hungaricae” 2003, nr 48/1–3, с. 105–121.
- Х е т е н и Ж., *Лед, Лета, лужа: „мост через реку”*. Масонский и дантовский код в романе Вл. Набокова „Защита Лужина”, „Sub Rosa”: In honorem Lenae Szilárd, Budapest 2005, с. 286–298.
- Х у д з и н ь с к а - П а р к о с а д з е А., „Одиночество избранных”. Попытка освещения проблемы на материале романа Владимира Набокова „Приглашение на казнь”. Текст используется на правах рукописи при согласии автора статьи.
- С e g i e l s k i Т., *Czcigodny Mistrz Światła i Oficerowie Loży*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, Muzeum Narodowe w Warszawie, Warszawa 2014.
- С e g i e l s k i Т., *Inicjacja do loży: „ani nagi, ani ubrany”*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, Muzeum Narodowe w Warszawie, Warszawa 2014.
- С e g i e l s k i Т., *Inicjacja do loży: Izba Rozmyślań*, [в:] *Masoneria pro publico bono*, Muzeum Narodowe w Warszawie, Warszawa 2014.
- Е n g e l k i n g L., *Chwył metafizyczny. Vladimir Nabokov – estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości*, Łódź 2011.

